

Павел ОСИНСКИЙ

Этнополитическая ситуация в Бурятии в контексте реформы российской федеративной государственности

Центр и республики — обновление национальной государственности в Российской Федерации

Наряду с рыночными преобразованиями и демократизацией политической системы национально-государственное обустройство России является ключевой проблемой, определяющей перспективы развития страны. От успехов легитимации нового федеративного устройства зависят казавшиеся недавно умозраительными возможности дальнейшей дезинтеграции (способной приобрести системный и необратимый характер), существование России как целостного государства.

Суть общественного устройства в СССР определяла административно-командная система управления, имевшая не унитарную, а более сложную «пирамидообразную» структуру, в которой каждый управленческий уровень обладал нормативно заданным объемом прав и полномочий. Республиканские партийно-государственные элиты, начиная с 50—60-х годов, пользовались относительной

Осинский П. И.—преподаватель Бурятского государственного педагогического института (Улан-Удэ).

автономией в своих действиях на территории республик, а «первые лица» в и руководстве были чуть ли не единственными правителями данных регионов. Существовал неписанный кодекс взаимоотношений между союзным центром и республиками. Руководителем национальной республики, как правило, был представитель «коренной» национальности, лица этой национальности имели предпочтительное право на занятие ответственных постов, их удельный вес среди художественной, научной интеллигенции был выше их доли в населении республики.

Центральные власти закрывали глаза на многочисленные факты злоупотреблений и коррупции, трайбализма и nepотизма в национальных республиках, если это компенсировалось идейно-политической лояльностью и личной преданностью членам правящей группы в высших политических инстанциях. Таким образом, корректнее было бы говорить о своеобразном негласном политическом балансе между Центром и союзными республиками.

Этот баланс был сломан в политической борьбе последних лет. «Парад суверенитетов» затронул не только союзные республики, но плавно переместился на территории автономий. Первой в РСФСР 20 июля 1991 года приняла «Декларацию о государственном суверенитете» Северо-Осетинская АССР, затем в процесс включились другие республики и даже автономные округа. Принятие такого рода документов обосновывалось правом народов на самоуправление, недопустимостью сохранения порочного сталинского деления народов на «перво-сортные» и «второсортные» в зависимости от различного статуса их национальной государственности (союзная республика—автономная республика—автономный округ—автономная область).

Правомочность суверенитета, провозглашенного субъектами Союза ССР и субъектами РСФСР, вытекала из совершенно различных политико-правовых ситуаций. Российское государство складывалось исторически в течение столетий и никогда, в том числе в советский период, не имело (в отличие от СССР) под собой договорной основы, базируясь лишь на конституционно-правовых началах. Союзные республики, объединяясь в СССР, хотя бы де-юре сохраняли за собой статус носителей государственного суверенитета, и это было закреплено в их конституционном праве выхода из состава федеративного союзного государства. Автономии же изначально не являлись и не могли являться носителями государственного суверенитета.

Таким образом, эти два статуса не являются юридически равнозначными. Автономия как широкое внутреннее самоуправление национально-государственного образования в рамках единого государства качественно отлична от суверенитета, не зависящего от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенства, политической независимости и самостоятельности государства во внутренней и внешнеполитической деятельности. Суверенитет не допускает никакого иностранного вмешательства¹.

Декларирование автономиями суверенного статуса качественно изменяет национально-государственное устройство РФ. Если ранее высшим носителем суверенитета являлся многонациональный народ России, то после декларирования суверенитета в автономиях высшим носителем его провозглашались народы данных республик. Это формально хотя и не дезавуировало суверенитета РФ, но впоследствии как бы давало основания рассматривать бывшие автономии не в рамках Российской Федерации, а в качестве ассоциированных с нею государств; государств, делегировавших РФ ряд полномочий и т. д.

Подобная ситуация сложилась в течение 1989—1991 годов, с одной стороны, под воздействием союзного Центра, который поощрял процесс суверенизации внутри России и использовал его в качестве рычага политического воздействия на

¹ См. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993, с. 15, 367; Краткий политический словарь. М., 1989, с. 6, 555.

российское руководство. Союзный закон о разграничении полномочий между Союзом и субъектами Федерации, например, уравнивал статус союзных и автономных республик. К сходным результатам вела идея подписания Союзного договора и союзными, и автономными республиками...

С другой стороны, руководство РФ также стремилось заручиться поддержкой национальных регионов в своем политическом противостоянии союзному Центру (сакраментальное «берите суверенитета столько, сколько сможете» отражало эти устремления).

В итоге препятствием сецессионистских устремлений республиканских политических элит являются ныне не столько соответствующие юридические нормы и политические механизмы, сколько соображения региональных лидеров о целесообразности такого шага в настоящее время. Заключение Федеративного договора 31 марта 1992 года и его одобрение VI съездом народных депутатов отчасти стабилизировали этнополитические процессы, но не привели к кардинальному изменению положения дел. (Тем более, что Татарстан и Чечня не подписали Договор, а некоторые республики, например Ингушетия, заявляли о возможности выхода из него.)

Конфронтация российских федеральных ветвей власти способствовала дальнейшему усилению центробежных тенденций. Попытки привлечь к решению конфликта руководителей регионов и республик могут дать этим тенденциям лишь дополнительные импульсы.

Большинство региональных элит не склонно занять определенную и однозначную позицию в противостоянии федеральных ветвей власти. Возможность поддержки с их стороны обусловлена предоставлением новых прав и льгот в области финансовой и налоговой политики, расчетами приобрести большее влияние в органах власти.

Некоторые такого рода меры отражают давно назревшую объективную потребность в децентрализации власти, федерализации страны, регионализации общественной жизни и не являются односторонними уступками сепаратизму. Однако привлечение лидеров субъектов Федерации в качестве арбитров в федеральной конфронтации представляет угрозу балансу властей (не по оси законодательная—исполнительная власти, а по оси Центр—регионы), делают их в известной мере вершителями судеб Российского государства. Этот подход, по сути, перелажает заботу о сохранении суверенитета и территориальной целостности России на плечи регионов. Интересы многих региональных элит имеют прямо противоположную направленность. Даже если смещение этого баланса осуществляется региональными элитами постепенно, в «цивилизованных», а не в драматических формах.

Главным, базовым условием гармонизации межнациональных отношений и сглаживания противоречий в ходе национально-государственного строительства являются достижение консенсуса между ветвями федеральной власти, утверждение общих позиций по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации. Актуальна задача выработки общих позиций по соединению реальной самостоятельности республик в политической, экономической, культурной областях и гарантий сохранения исторически сложившегося государственного единства народов России, целостности ее территории. Именно проблема взаимоотношений Центра и суверенных республик оказывает определяющее воздействие на этнополитическую ситуацию в республиках. Бурятия представляет собой в этом плане характерный пример.

Факторы, определяющие этнополитическую ситуацию в Бурятии

Этнополитическая ситуация в республике определяется как ее спецификой, так и общими для всех республик детерминантами:

а) экономическим и природно-ресурсным потенциалом, степенью ее финансовой самостоятельности;

- б) соотношением в национальном составе населения удельного веса населения, давшего наименование республике, и лиц русской и иных национальностей;
- в) характером и особенностями исторического развития народов данной республики, взаимоотношениями этнических общин, степенью их социальной интеграции;
- г) мерой отягощенности этих отношений историческим прошлым, связанным в первую очередь с репрессиями в отношении ряда народов России;
- д) особенностями национального характера, национального сознания, национальной психологии народов республики;
- е) политической позицией республиканского руководства, степенью политической и идеологической совместимости курсов руководства РФ и руководства республики.

Конечно, все эти факторы действуют взаимосвязанно, и не следует упрощать интерпретацию ситуации, рассматривая ее как следствие воздействия только одного или нескольких названных факторов.

Бурятия обладает значительным экономическим потенциалом. Хозяйственная специализация республики включает в себя машиностроение, энергетику, электротехническую, горнодобывающую, лесную, стекольную, легкую, пищевую отрасли промышленности, в агропромышленном комплексе — прежде всего животноводство. В недрах края — уголь, полиметаллические руды, хризотил-асбест, вольфрам, золото. Через территорию республики проходят две крупнейшие железнодорожные магистрали — Транссиб и БАМ. Улан-Удэ — важнейший центр, связывающий Европейскую Россию с Дальним Востоком и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако многие из этих ресурсов являются лишь потенциалом развития и без крупномасштабных инвестиций вряд ли будут востребованы в ближайшем будущем. Экономика традиционно была ориентирована на сырьевой и промежуточный, а не на конечный продукт. Основные фонды промышленности устарели и требуют коренной реконструкции. Высокие цены на электроэнергию, топливо, транспортные расходы, дорогостоящие природоохранные мероприятия, связанные с поддержанием требуемого экологического баланса в бассейне озера Байкал, делают продукцию Республики Бурятия недостаточно конкурентоспособной на российском рынке. Две трети продовольственных и непродовольственных ресурсов завозятся из других регионов, почти половина расходов республиканского бюджета покрывается за счет федерального бюджета².

Социально-экономический кризис особенно тяжело ударил по экономике Бурятии, ряд отраслей народного хозяйства находится в состоянии, близком к катастрофе. Кроме того, в течение последних трех лет республику буквально преследуют стихийные бедствия, наносящие огромный экономический урон, восполнить который самостоятельно республика не в состоянии. Экономический императив обуславливает теснейшие финансово-хозяйственные связи с другими регионами РФ, и это осознается как руководством, так и населением республики.

В этническом составе населения доля русских с 1970 по 1989 год незначительно уменьшилась (с 73,5 до 70%), доля бурятов немного возросла (с 22 до 24%)³. Рождаемость бурят в 1988 году была в 1,3 раза выше, чем у русских. К тому же в республику перемещаются граждане бурятской национальности, жившие в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе Иркутской области и Агинском Бурятском автономном округе Читинской области. Численное преобладание русского населения можно рассматривать как дополнительный этнокультурный и социокультурный фактор интеграции с РФ, фактор, поддерживающий статус Бурятии как неотъемлемой части РФ.

Историческая специфика развития бурятской нации, особенности ее взаимоот-

² См. Саганов В. Бурятия — новый старт. «Международная жизнь», 1993, №№ 5—6, с. 21.

³ Рассчитано по: Национальный состав населения Бурятской ССР. Статистический сборник. Улан-Удэ, 1991, с. 1.

ношений с русскими также не способствуют сецессионным тенденциям. Начиная с XVII века, когда буряты вошли в состав Российского государства, несмотря на полукOLONиальное положение национальной окраины, испытывающей все последствия великодержавной политики имперской администрации, буряты тем не менее смогли сохранить свою традиционную систему жизнедеятельности и культуры, поддерживать тесные и дружественные отношения с русским населением. После присоединения к России у бурят практически не было серьезных столкновений с русскими.

В период после 1917 года бурятский народ достиг определенных успехов в социально-экономическом, политическом и духовном развитии. Исследователь Ю. Рандалов отмечает, что «был пройден начальный этап освоения индустриальной системы общественного разделения труда: в социальной структуре бурятской нации возник обширный слой работников технического, механизаторского труда. Доля городского населения увеличилась до 44,5%, доля населения, занятого умственным трудом,— до 39,3%⁴. Сложилась и получили развитие национальная литература, музыка, театр, живопись. Буряты впервые обрели национальную государственность (30 мая 1923 года ВЦИК РСФСР издал декрет о создании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики).

Вместе с тем установившийся тоталитарный режим оказал тяжелое негативное воздействие на общественную и духовную жизнь народа. Постановлением высших органов государственной власти РСФСР 26 сентября 1937 года шесть районов-аймаков Бурят-Монгольской АССР были переданы Иркутской и Читинской областям. Это привело к значительному сокращению территории и численности населения республики, к снижению ее экономического потенциала, к территориальному разобщению. В конце 30-х годов репрессиям подверглась большая группа руководителей республики, видных общественных деятелей; представителей национальной интеллигенции обвинили в создании националистической панмонгольской организации. Это положило начало попытке искоренения значительной части культурного наследия бурятского народа, объявленного феодально-клерикальным и отсталым. Гонениям подверглись традиционные верования бурят: буддизм и шаманизм. Сократилась сфера применения бурятского языка: он оказался вытесненным на периферию общественной жизни. «Именно в эти годы усилился национальный нигилизм, маргинальный статус стал нормой определенной части этноса, зародились и утвердились номенклатурно-бюрократическая, сервилитская и иного рода ментальности. Главными итогами этого периода явились утрата национально-государственной целостности, общенациональной идеологии и программы действий, истребление духовной элиты, лидеров и вождей нации, подрыв коренной системы традиционной культуры»,— констатирует исследователь Т. Михайлов⁵. Все это породило чувство поправленной справедливости, обиды, недоверия.

Несмотря на деформации национального сознания, имевшие место в эпоху тоталитарно-коммунистического режима, не были полностью утрачены национальные ценности, традиции, язык, религия, иные специфические компоненты духовной жизни бурят. Свою роль в сохранении национальной самобытности сыграли такие особенности народного характера, как традиционная восточная сдержанность, толерантность, верность своей малой родине, земле предков, умение жить в гармонии с природой, открытое и доброжелательное отношение к своим соседям: русским, эвенкам, представителям других этнических групп. В отличие от темпераментных южан, коренные жители Сибири менее склонны к эмоционально-аффективным реакциям на те или иные события, более привержены трезвому и спокойному китайскому рассудочному образу

⁴ См. Р а н д а л о в Ю. Еще раз о переменах нашей жизни. «Бурятия», 4 января 1992.

⁵ Михайлов Т. М. О национальном менталитете бурят (постановка вопроса). Вопросы методологии и истории наций и национальных отношений в регионе Восточной Сибири (тезисы и материалы научной конференции). Улан-Удэ, 1992, с. 8.

мысли. Это делает их в меньшей степени восприимчивыми к радикальным политическим лозунгам, к тем или иным видам экстремизма. Поэтому сепаратистские устремления и идеология национализма не находят отклика у подавляющего большинства современных бурят.

Характеризуя политическую позицию республиканских властей, нельзя не отметить того, что кадровый состав государственных деятелей республики в своем большинстве состоит из представителей старой партийно-государственной номенклатуры, сформировавшихся как руководители в доперестроечный период. Это объективно накладывает известный отпечаток на характер, масштабы и темпы осуществляемых в республике социально-экономических и политических преобразований, обуславливает достаточно осторожное отношение к новациям, исходящим из Москвы. Однако реалии экономической ситуации, а также другие вышеуказанные факторы, инициируют стремление иметь прочные и стабильные отношения с российским Центром, занимать трезвую позицию в процессах суверенизации, развернувшихся на территории России.

Вся совокупность экономических, политических, исторических и психологических факторов требует как возрождения и духовной консолидации бурятского народа и других этносоциальных групп, так и поддержания социального партнерства наций в рамках единой республики; как укрепления самостоятельности Бурятии в решении стоящих перед ней проблем, так и упрочения общности исторических судеб Бурятии и России, укрепления статуса Бурятии как равноправного субъекта Российской Федерации.

Этнополитический процесс в Бурятии: направления, динамика и перспективы

Совокупность объективных факторов, воздействующих на состояние межнациональных отношений в республике,— важнейшая сторона политической ситуации. Но не менее важен учет всего спектра мнений и умонастроений, высказываемых представителями органов государственной власти, партий, общественных движений по этим проблемам, нахождение «болевых точек» во взаимоотношениях народов, в осознании этих отношений.

Отправным пунктом в новой фазе взаимоотношений народов республики друг с другом, а также взаимоотношений Бурятии и Российской Федерации является принятие ВС республики 8 октября 1990 года «Декларации о государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики». Согласно этому документу, Бурятия отказалась от статуса автономии и провозгласила государственный суверенитет Бурятской ССР на своей территории. Отныне носителем суверенитета и единственным источником власти в республике был провозглашен народ Бурятии. Было закреплено положение о том, что Бурятская ССР самостоятельна в решении любых вопросов государственной жизни, в том числе в проведении своей национальной, экономической, экологической, социальной, культурной, научной и кадровой политики. На территории республики провозглашалось верховенство Конституции и законов Бурятской ССР. Законы РСФСР и СССР объявлялись имеющими высшую юридическую силу на территории республики в том случае, если они приняты в соответствии с полномочиями, добровольно делегированными в ведение федеральных органов власти. Было указано, что Бурятская ССР имеет свое гражданство, а государственными языками в республике являются русский и бурятский.

Именно принятие этой Декларации дало импульс активизации этнополитических процессов, образованию национальных, политических и культурных организаций, возникновению дискуссий по актуальным вопросам межнациональных отношений.

Процесс национального возрождения был объектом пристального внимания руководящих республиканских органов КПСС, во многом направлялся и конт-

ролировался партийными комитетами, которые достаточно эффективно «гасили» различного рода эксцессы и спонтанные проявления национализма.

В 1991 году состоялся I Всебурятский съезд, который обсудил процессы консолидации и духовного возрождения нации, принял решения по реализации этих задач, создал постоянный орган, представляющий интересы бурят, — Всебурятскую ассоциацию развития культуры (ВАРК), президентом которой стал народный художник России Д. Дугаров.

Одновременно возникли партии и политические ассоциации, дистанцировавшиеся от официальных властных структур, имеющие свое собственное понимание путей национального возрождения. 17 ноября 1990 года на учредительной конференции в Улан-Удэ была образована Бурят-Монгольская народная партия. В 1992 году возникло движение национального единства «Нэгэдэл». Умеренный курс ВАРК не устраивал эти организации, которые созвали и провели Всебурятский хурал (собрание), на котором ряд национальных требований был сформулирован гораздо радикальней. Этот форум оказался менее представительным, чем I Всебурятский съезд, выдвинутые требования не получили поддержки бурятского населения, а организаторы хурала были подвергнуты критике в республиканской печати. Однако идеи, выдвинутые БМНП и «Нэгэдэлом», разделяются некоторой частью бурятского населения, особенно в среде гуманитарной интеллигенции. То есть поддержка не оказывается не столько по соображениям стратегии, сколько по соображениям тактики.

Главным требованием национал-радикалов являлось воссоздание территории республики в границах 1937 года (возвращение Бурятии Усть-Ордынского Бурятского и Агинского Бурятского автономных округов). Однако сложность проблемы не позволяет применить простые способы ее решения. События последних лет на территории СНГ показали, что перекройка границ — прямой путь к развязыванию этнических конфликтов, перерастающих в кровопролитные войны. И главное — сами жители автономных округов в основной массе не выступают за немедленное присоединение к Бурятии. В Аге, по результатам одного из социологических опросов, 85% жителей выступают вообще против каких бы то ни было обсуждений территориальной проблемы. «Нам не нужен сибирский Карабах. Как субъект Российской Федерации мы сами хозяева, будем решать свои вопросы мудро и без спешки», — заявил глава администрации округа Г. Цадашиев⁶. Идет расширение экономических и культурных связей республики с округами. Одновременно было принято Постановление ВС РБ от 3 июня 1993 года «О реабилитации народов Бурятии», в котором акт 1937 года квалифицируется как неконституционный и незаконный, и это было воспринято в регионе как восстановление исторической справедливости.

Вопросом, способным осложнить межнациональные отношения и вызвавшим немало дискуссий, явилось предложение учредить пост Президента республики. ВС Бурятии разработал законопроекты — «О Президенте Бурятской ССР» и «О выборах Президента Бурятской ССР». Парламент даже принял эти законы, но внесенные поправки в Конституцию, требующие для принятия законов квалифицированного большинства, не набрали в ВС необходимого числа голосов.

Связь этого вопроса с межнациональной ситуацией заключается в том, что, согласно законопроекту, глава исполнительной власти должен был владеть двумя государственными языками: русским и бурятским. Это неявно подразумевало, что лидером республики по национальности должен быть бурят, и придавало проблеме деликатный характер. В итоге решение вопроса было временно отложено, что получило поддержку таких политических движений, как «Демократическая Бурятия».

Не было принято решения и по непростому, как оказалось, вопросу — об официальном наименовании национальности, давшей название республике, и, соответственно, о новом названии самой республики. До 1958 года она именовалась

⁶ Цит. по: Гыпылов Г. Ностальгия по Чингизхану. «Бурятия», 3 марта 1993

Бурят-Монгольской АССР, а народ, давший ей название,— бурят-монголами. В 1958 году в соответствии с «пожеланиями трудящихся» и республиканского руководства произошло переименование нации в бурят и республики в Бурятскую АССР. У ученых нет единой точки зрения на этот вопрос. Ряд из них подчеркивают неразрывную этногенетическую связь бурят с монгольской цивилизацией, настаивают на наименовании этноса бурят-монгольским. Другие, акцентируя специфику, самостоятельность, автохтонность на своей территории бурятского народа, полагают, что его современное название вполне исторически оправдано.

В 1990—1991 годах научная дискуссия вышла за рамки теоретического спора, вылилась на страницы печати, политизировалась, стала актуальной темой для массового сознания. Возникла обеспокоенность русского большинства, усмотревшего в этом симптомы геополитической переориентации местных «верхов» с России на Монголию, первые шаги по выработке долговременного курса на создание единого государственно-политического образования с этой страной. В качестве противовеса появились предложения о преобразовании Бурятской ССР в Верхнеудинскую (или Забайкальскую) область. Текущие проблемы экономического характера отодвинули эту коллизию на второй план, но вопрос о переименовании народа и республики многие не считают закрытым.

Национал-радикалами выдвигалась (хотя и не нашла поддержки у руководства республики) идея о наделении особыми правами представителей «коренной национальности» в сфере представительной власти. В частности, предлагалось либо конституционное закрепление за представителями бурятского этноса 50% депутатских мест в республиканском парламенте, либо наделение их правом «вето» при решении принципиальных вопросов общественной жизни. Обсуждался и вопрос о предоставлении статуса гражданина республики всем бурятам, проживающим за ее пределами, прежде всего в автономных округах. Конфликтотенный характер таких и аналогичных инициатив очевиден.

Некоторые требования национал-радикалов, например предложение в целях национального возрождения перейти с рублевого обращения на тугриковое или вернуться к старобурятскому алфавиту, трудно отнести к реалистическим.

Проведение экономических реформ и решение насущных экономических вопросов в республике тесно связаны как с этническими, так и с экологическими особенностями региона. Решение вопроса о приватизации земли в республике оказалось переплетенным с необходимостью сохранения родовых, традиционно пастбищных земель, являющихся национальным достоянием, сакральных территорий, имеющих отношение к отправлению религиозных культов. Кроме того, этот процесс в бассейне озера Байкал, имеющего планетарное значение, обоснованно вызвал обеспокоенность общественности республики. Нахождение разумного баланса между соображениями экономической целесообразности и требованиями, предъявляемыми этноэкологической спецификой Байкальского региона,— проблема, еще требующая компетентного решения.

Этнополитическая активность затронула не только бурятскую этносоциальную общность, но и русских. В ноябре 1991 года состоялась учредительная конференция Забайкальского Русского Союза, главной задачей которого была провозглашена работа по возрождению России. Она конкретизировалась в восстановлении православных храмов, в создании центров народной медицины, в распространении патриотической литературы, в возвращении исторических названий улицам и селам, в оказании благотворительной помощи инвалидам и немощным, в формировании казачьих частей для охраны правопорядка и в других подобных инициативах.

Национально-государственная программа Союза была сформулирована следующим образом: «Независимо от того, в каких границах будет существовать Россия в будущем, на ее территории должен быть, безусловно, отменен принцип иерархической псевдонациональной государственности и восстановлено губернское территориально-административное и территориально-экономическое де-

ление с сохранением широкой культурно-национальной автономии для всех народов страны»⁷. Являясь не очень представительным, Союз и близкие ему по духу православное общество «Спасение» и Забайкальское казацье войско проявляют полное неприятие реформационных процессов, которые трактуются ими как война против русского народа со стороны транснациональных монополий и неких «темных вселенских сил», угрожающих православию, почвенности и народности, которые рассматриваются и сегодня, в конце XX века, как основы национального бытия русских.

Показателем идущей самоорганизации не только среди бурят стал съезд старообрядческого населения (семейских) Забайкалья в 1993 году. Эта достаточно многонациональная и самобытная культурно-конфессиональная группа играет весомую роль в жизни республики. Кроме того, в Улан-Удэ были созданы в последнее время и начали работу эвенкийский, корейский, немецкий, еврейский национальные культурные центры.

Содержание этнополитической ситуации не сводится к деятельности различных национально-политических и национально-культурных организаций (большинство которых к тому же не очень многочисленны, не пользуются массовой поддержкой со стороны населения). Политический процесс продолжает оставаться закрытым, сосредоточенным в достаточно узком элитарном слое. В посткоммунистических региональных элитах доминируют «кулуарные» способы согласования интересов, и там стараются не очень прибегать к политической мобилизации широких масс. Не способствуют активности населения и тяжелые социальные последствия проводимых экономических реформ. С этнополитическими реалиями рядовые граждане сталкиваются лишь тогда, когда бытовые конфликты приобретают межнациональную окраску. В основном они остаются стихийными интернационалистами, этнически индифферентными.

Однако этносоциальные и этнополитические процессы последних лет глубоко затронули массовое сознание населения Бурятии, привели к сдвигам. Показательны результаты исследований 1992 года, по которым 44% нерусских и 25% русских, опрошенных в Улан-Удэ, считают, что их национальные интересы в чем-либо ущемлены. 72% нерусских и 58% русских безусловно или в зависимости от обстоятельств приняли бы активное участие в конфликте на стороне своей национальности, если бы таковой имел место⁸. Конечно, вербальное поведение неравнозначно реальному, но налицо значительный потенциал межнациональной напряженности, высокая степень этнополитической мобилизации. И это диктует руководству необходимость тщательно выверять политику стабилизации межнациональных отношений.

Можно констатировать, что в республике сложились две крупные национальные группы — русское и бурятское население. Обе общности имеют жизненно важные интересы, которые не во всем совпадают. Для бурятского народа упрочение суверенитета республики, консолидация нации, преодоление деформаций прошлого, укрепление исторической общности и связей с монгольским суперэтносом, возрождение и раскрытие богатства национальной культуры, искусства, языка, национального самосознания имеют первостепенное значение. Для русских в Бурятии не меньшее значение, нежели восстановление и преумножение богатства русской культуры, имеют сохранение и упрочение государственного единства Бурятии и России, обеспечение равноправия и справедливости во всех сферах жизнедеятельности. Коренные стратегические интересы групп не противоречат друг другу и могут быть реализованы без взаимного ущемления.

Важнейшей задачей национальной политики в республике является поддер-

⁷ Чего мы добиваемся? «Молодежь Бурятии», 26 ноября 1991.

⁸ См. Иванов В. Н. Межнациональные отношения в России: состояние и перспективы. «Социально-политический журнал», 1993, N9 4, с. 7—8.

жание баланса интересов двух народов, как, впрочем, и интересов других этнических групп, проживающих в республике. Относительно устойчивое и стабильное развитие межнациональных отношений свидетельствует о том, что в республике и регионе этот баланс в основном соблюдается. Его сохранение требует недопущения акций, могущих нарушить равновесие, какими бы обоснованными и исторически оправданными они ни казались заинтересованным сторонам. Целесообразно установление своего рода моратория на выдвижение этнополитических требований и претензий, поскольку гражданский мир и национальное согласие являются значимыми ценностями, в реализации которых заинтересованы все народы как Республики Бурятия, так и Российской Федерации.

© П. Осинский, 1994